

УДК 101.1

ОБЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ МЕНТАЛИТЕТА ВЕНГЕРСКОГО И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В ОБЫЧАЯХ, ВЕРОВАНИЯХ И НАРОДНЫХ ИЗРЕЧЕНИЯХ

Имре Пачай
доктор филологических наук, профессор
(Венгрия)

Резюме. При изучении языков Восточной Евразии обнаружилось параллельные структуры в изученных языках, отражающие общие элементы национального менталитета. Мы нашли сходные народные изречения в венгерском и тюркских языках, свидетельствующие об интенсивных культурных и языковых контактах. Следы этих контактов выявляются в обычаях, верованиях, в этикетных формулах. Сходные метафорические картины параллельных народных изречений доказывают устные языковые связи, так как большинство сходных народных изречений резко отличаются от европейских фразеологических единиц, от библейских и античных культурных традиций.

Ключевые слова: языковые и культурные контакты, народные изречения, библейские и античные фразеологические единицы, национальный менталитет, этикетные формулы, обычаи, верования.

Введение

История венгерского народа с тюркскими народами связана красной нитью. Связь эта началась до завоевания Карпатского бассейна, продолжилась и после захвата родины венгров.

В лексике венгерского языка многие слова: *alma, árpa, balta, bicska, gyöngy, szakáll, tarló* восходят к тюркским языкам и были заимствованы, еще до завоевания Карпатского бассейна в 9-м веке.

Топонимы Венгрии сохранили следы интеграции тюркских языков (о чем говорят следующие топонимы): **Alpár** < АЛПАР 'богатырь'; **Derecske, Dorog, Derna** < DERE долина, ущелье в горах; **Takta** / Такта (равнина между реками Тиса и Шайо) < ТАХТА 'доска'; **Tépe, Terő** < ТЕРЕ 'холм'; **Tokaj** / Токай < ТОКАЙ (чагатай *toqay*) 'речной лес' отражают специфические характерные черты рельефа. Названия венгерских регионов **Kiskunság** (Малая Кумания), **Nagykunság** (Большая Кумания) говорят о поселении здесь куманов в XIII-м веке (слово KUN это этноним КУМАН в венгерском языке).

Венгерские фамилии тоже сохранили следы тюркских контактов:

Bazsa / Бажа < *бажа* 'своjak'; **Bede** / Бэдэ < *беде* 'клевер, сено'; **Batizi** / Батизи < *батиз* 'запад'; **Béldi** / Бэлди < *белдүү* 'сильный человек'; **Bende** / Бэндэ < *бенде* 'раб (устар.); 2) беззащитный'; **Bilek** / Билек < *билек* '1) запястье, рука; 2) часть передней лапы'; **Botka** / Ботка < *ботко* 'каша'; **Bölöni** / Бёлöни < *бөлө* 'двоюродной брат'; **Buka** / Бука < *бука* 'бык-(производитель)'; **Deme** / Дэмэ < *дем* 'храбрость, отвага'; **Ésik, Esik** / Эшик < *эшик* '1) шелковый занавес двери юрты; 2) эшик ага 'чин в среднеазиатских ханствах'; **Gara** / Гара < *гара* 'черный' / **Kara** / Кара < *кара* 'черный'; **Szapáry** / Сапары < *сапар* 'путешествие'; **Tándor** / Тандор < *мандыр* 'глиняная печка'; **Tildi** / Тилди < *тил* 'язык'; **Zsirai** / Жирай < *жыра* '1) промоина, овраг; 2) ущелье.

Общие элементы культурных традиций венгерского и алтайских народов

В данной статье рассматриваются народные изречения, которые отражают влияние обычаев тюркских народов. Стоит подчеркнуть, что в работах, изучающих характерные черты прарелигии венгров, осталось немного информации. Исследователи должны обращаться к фольклору и к этнографии, так как народные изречения служат важными источниками, где сохранились следы древних восточных элементов венгерской народной культуры.

Минорат является важным элементом обычного права в венгерских традициях. В отличие от европейских традиций, преемником отцовского дома у венгров был **младший сын**, имевший право первым выбрать свою долю отцовского наследства. В истории венгров **институт минората** имел большое значение, ведь преемником предводителя венгров, князя Арпада (основателя знаменитой династии Арпадов), стал его младший сын.

Следы древнего обычного права венгров отражаются в первом венгерском юридическом кодексе „*Tripartitum*” (1517), составленном Иштваном Вербеци. В главе „*De divisionibus bonorum paternorum a avitorum, inter fratres fiendis*” (Titulus XL) ‘О распределении отцовского добра между сыновьями’ этой юридической работы, служившей долгое время образцом права, говорится о правах младшего сына – преемника отцовского дома: „*Domus autem paterna filio juniore deputatur ad residendum a habitandum*” (‘Младший сын наследует отцовский дом, который будет его жилищем и очагом’). Знаменитый исследователь традиции обычного права венгров Карой Тагани (1919) также подчеркивает, что младший сын был хранителем семейного очага. Эта традиция отражается и в устоях азербайджанской семьи.

В **бурятских** традициях **минорат** тоже является основным элементом обычного права. Баранникова указывает на то, что **младший сын**, по сравнению со старшими, всегда находился на особом положении – пользовался привилегией. Он был не только обладателем имущественного наследства, родовых традиций, но и преемником родового, семейного очага – **гуламта** (Баранникова, 1978. 9).

Как и в азербайджанской культуре, культ **огня** в бурятской народной стихии занимает центральное место. От огня зависело благополучие рода и семьи, вследствие чего, к хранителю домашнего очага относились с уважением (данный образ был в особом почете и в народных сказках). Баранникова подчеркивает то, что в представлении бурят **гуламта** был важнее всего в жизни. В этнографических работах говорится о сходной традиции, так как домашний очаг являлся символом родовых отношений.

В работе С. А. Каскабасова (1972) рассматриваются вопросы, связанные с традицией минората в казахских родовых обычаях, которые указывают на то, что **институт минората** существовал у казахов еще в 19-м веке (подтверждается историческими документами).

„Младший сын пользовался большими привилегиями в казахском обществе. Он оставался хозяином большого отцовского дома (үлкен шаңырақ). Как преемник большого дома, он обладал привилегией организовывать поминки по покойным предкам, проводить в жизнь их заветы, охранять все традиции рода” (Каскабасов, 134).

О привилегии младшего сына у кочевых народов свидетельствует башкирская пословица: „*агай оло – мин зур*” (БРС 6) ‘брат **старше**, но я **важнее**’.

Институт минората резко отличается от правосознания европейских народов, которые укоренились в библейских традициях (история плута Якова). О расхождении между европейскими и монгольскими традициями говорится в записках Плано Карпини, который посетил Монголию в 13-м веке.

Образ и победа младшего сына является типичным мотивом венгерской и алтайской волшебной сказки, о чем упоминается в этнографической работе *Magyar néprajz V. Népköltészet* 1988. (Венгерское народное творчество), в работах Е. В. Баранниковой, С. А. Каскабасова и других исследователей.

Генеалогия в сознании венгерских дворян обладала особенной важностью и значимостью. Потомки древних благородных родов гордились своими предками.

Этот элемент стихии наблюдается и у тюркских народов, который отмечается в работе знаменитого венгерского тюрколога Армина Вамбери (1885), изучившего традиции казахского и киргизского народов. О роли **генеалогии** в стихии степных народов говорит выражение *жетти ата* (КиРС 77). Это выражение обозначает «семь прямых предков» (по мужской линии). В старом быту каждый взрослый киргиз должен был знать семь своих предков, если же он их не знал, то его презрительно называли *кул(құл) 'раб'*. Взаимные браки разрешались только за пределами такого родства. Об этом свидетельствует киргизский оборот: *жетти атасын сурап, кыз бермек – ал кезде расим болгон* (КиРС 77) (попроси за семерых отцов и отдай дочку)-в то время это было в обычае выдавать замуж, справившись о семи восходящих поколениях (брачующихся)'. Выражение *жетти атасын билбеген* (КиРС 77) бран. уст. «не помнящий родства - безродный» - тоже отражает значение данного элемента киргизской народной стихии.

А. Вамбери указывает на то, что как у казак-киргизов (казахов), так у восточных родственников этого народа **благородное** происхождение определяло позицию и жизнь индивида в обществе. Член кочевого общества не мог изменить свое положение даже новыми семейными отношениями, это значило, что человек неблагородного происхождения не мог попасть в “аристократическую” семью. Данный строгий элемент обычного права народов Средней Азии явно отражается в оборотах киргизского языка.

Венгерские слова *házas* (БРС 986) 'женатый'; *házasság* (БРС 986) 'брак, супружество; замужество; женитьба'; *házasít* (БРС 986) 'женить', *házasodik* (БРС 986) 'жениться' восходят к слову *ház* (БРС 984). Слова, связанные с семейными отношениями венгерского языка тоже говорят о тюркских контактах, так как в тюркских эквивалентах наблюдаются лексические элементы, которые также образованы от слова «дом, юрта».

При сопоставлении венгерских слов этого семантического поля в тюркских языках обнаружили эквиваленты: **азерб.:** *evlənmək* “жениться”(АРС 143); **татарск.:** *өйлэнгән* (ТаРС 737) 'женатый, семейный'; *өйләндерү* (ТаРС 737) 'женить, поженить, женитьба'; *өйләнешү* (ТаРС 737) 'жениться, пожениться; соединиться браком, женитьба, бракосочетание'; *өйләнү* (ТаРС 737) 'жениться, пожениться; женитьба, бракосочетание; брачный', которые тоже имеют этимологическую связь со словом *өй* (ТаРС 737) 'дом'; **турецк.:** *ev* (ТуРС 284)'дом' *evermek* (ТуРС 283) 'женить, выдать замуж, жениться'; *evli* (ТуРС 284) 'женатый, замужняя; *evlenmek* (ТуРС 284) 'жениться, выйти замуж (ТуРС 284) 'бракосочетание, женитьба'; **киргизск.:** *үйлө* (КиРС 818) 'megházasít', *үйлөн* (КиРС 818) 'жениться', *үйлөнт* (КиРС 818) 'женить, выдать замуж', *үйлөнүү* (КиРС 818) 'жениться, *үйлөнүш* (КиРС 818) 'женитьба', *үйлүү* (КиРС 818) 'женатый' тоже образованы от слова *үй* (КиРС 817) 'дом, юрта'.

В башкирском языке от слова *өй* (БРС 480) 'дом, изба, házi' образованы слова, семантического поля «бракосочетание, женитьба, жениться» *өйләнеү* (БРС 480) 'жениться, вступить в брак', *өйләндерү* (БРС 480) 'женить', *өйләнешү* (БРС 480) 'вступить в брак, жениться'.

Сходство сопоставленных венгерских и тюркских слов указывает на роль и значение **домашнего очага** в жизни алтайских народов и венгров. Дом или юрта является символом семьи, рода (о чем говорят понятия **гуламта** или **'үлкен шаңырақ** 'большой отцовский дом') и главным условием быть хозяином рода, значило быть владельцем дома.

Выражение венгерского языка *házitűznéző* 'знакомство с семьей будущей супруги (букв.: осмотр домашнего очага)' связано с традициями тюркских народов, о чем свидетельствует киргизский оборот *келинді отко киргизүү* (КиРС 582) 'az ifjú asszonyinak családi tűzhelyhez való befogadása'. Следы киргизского ритуала отражаются в венгерском выражении, связанном с важнейшим элементом семейных традиций, домашним **родовым**

очагом. Хранение домашнего очага явилось почетным делом и было поручено младшему сыну. Это непосредственно было связано с *институтом минората*, важнейшего элемента обычного права среднеазиатских тюркских народов.

Венгерские слова *fiúgyermek* 'мальчик' и *leánygyermek* 'девочка' отражают тюркские контакты, так как их структура соответствует тюркским словам: татарск.: *ип бала* (ТаРС 54) 'мальчик'; башкирск.: *ип бала* (БРС 69) 'мальчик'; киргизск.: *уул бала* (КиРС 102) 'мальчик, сын'; татарск.: *кыз бала* (ТаРС 54) 'девочка'; башкирск.: *кыз бала* (БРС 69) 'девочка'; киргизск.: *кыз бала* (КиРС 102) 'девочка, дочь'.

Следует отметить, что в европейских языках не используется сходная структура с компонентом «ребенок, дитя» для названия детей (сын, son, fils; дочь, daughter, fille).

Отношение поколений в семье отражают следующие пословицы:

венг.: *Lányomnak szólok, de menyem is értse* (МЕ 549) 'я говорю дочери, пусть понимает и невестка'; *Lányomat szidom, menyem is értse* (МЕ 549) 'я ругаю дочь, чтобы поняла и невестка' (венг.); азерб.: "*Qızım, sənə deyirəm, gəlinim, sən eşit*" (ADFL); крымско-тат.: *Къызым, санъа айтам, келиним, сен динъле* (АС 104) 'я тебе говорю дочь моя, чтобы ты, невестка, поняла'; узбекс.: *Кизин сенга айтмак, келиним, сен ешит* (УзРС 28) 'я тебе говорю дочь моя, чтобы ты, невестка поняла'. Примечательно, что киргизский вариант интересен тем, что вместо слова *дочь* используется слово *кереге* (КиРС 377) 'деревянная решетка цилиндрической части юрты': *керегем, сана айтам, келиним, сен ук* (КиРС 377) 'тебе, кереге, говорю, а ты, сноха моя, слушай'. Пословицы с юмором отражают менталитет простолюдинов.

Представленные нами общие традиции, отражающиеся в народных изречениях, связаны с проблемой **мультикультурализма**, рассмотренного в книге доцента С. Мир-Багирзаде (2021). Общие элементы стихии и менталитета возникли в результате интенсивных и длительных культурных контактов. Мультикультуралистический и толерантный подход дает возможность заимствованию инородных элементов, иначе культурный «фильтраж» не пропускал бы чужие элементы в основу национального менталитета. Пропускаемая способность культурного «фильтража» связана с общими традициями, сходным образом жизни, общими элементами духовной культуры.

Верования

Верования, связанные с **водой**, отражаются в башкирском обороте *таң һыуы* (БРС 585) утренняя вода (вода, набираемая на рассвете, которой умываются и пьют от сглаза). Башкирское верование известно в венгерских народных традициях. Вера в магическую силу воды, набираемой **на заре**, наблюдается и у венгров. В этнографической работе *Magyar néprajz* (венгерская этнография) представлен термин *aranyos víz* 'золотая вода', набираемая на рассвете нового года, которой умываются девушки. В венгерской знахарской традиции для лечения болезни от сглаза тоже использовалась **наговоренная вода**, приготовленная с помощью «магического жара».

При изучении венгерских и тюркских фразеологических единиц, поговорок и пословиц мы убедились в том, что зооним **«собака»** часто используется в упомянутых народных изречениях. Помимо этого выявились общие специфические признаки изображения собаки в фразеологии. Необходимо сказать, что в венгерском языке собака названа тождественными синонимами **eb** и **kutya** - это наблюдается и в русском языке - **пёс** и **собака**, и в турецком языке **it** 'собака, пес' и **köpek** 'собака, пес', обладая идентичным значением.

При сопоставлении венгерских и тюркских народных изречений наблюдается общий отрицательный характер собаки, который символизирует **отрицательные качества человека** (хотя собака является верным помощником человека). Мы, конечно же,

постарались разобраться, что лежит в основе такого противоречия. В итоге, оказалось, что в народных изречениях образ собаки не отражает важные мотивы действительности, а следовательно, предполагается культурное влияние на фразеологию, в данном случае, общий элемент национальной ментальности, связанный с верованиями.

При изучении лексики тюркских языков наблюдается сходная семантика слова, обозначающего денотат «**собака**». Заслуживает внимания то, что лексическая единица «**собака**» обладает и переносным значением: турецк.: *it* (ТурС 482) 1) собака, пес, 2) **негодяй, подлец**; *köpek* (ТурС 566) 1) собака, пес, 2) *бран.* собака **подлец, негодяй**; башкирск.: *эм* (БРС 805) 1) собака, пёс, 2) **злой, скверный, вредный**; чувашск.: слово *йыт* (ЧРС 132) 1) собака, пёс, 2) **подлец**; тат.: *эмлек* (ТаРС 686) присущие собаке нравы, **подлость, свинство**; узбекск.: *им* (УзРС 186) 1) собака, пес, 2) **негодяй, дурной человек**.

Схожие по смыслу пословицы свидетельствуют об общем характере изображения собаки: венг.: *Nem megy ebnek szemébe a füst.* 'мерзавца трудно осрамить, он не стесняется (букв.: **собаке** дым не попадет в глаза)'; тат.: *эм кузе төтен белмес* 'мерзавцы не стесняются, не смущаются (букв.: **собаке**, дым глаза не выест)'; башкирск.: „*эм кузе төтөн белмәс*” мерзавец не стесняется (букв.: глазами собаки дым не чуют); туркм.: „*им гөзи түссе билмез*” (букв.: собачьи глаза дыма не чуют).

Отрицательное изображение собаки в народных изречениях уходит корнями в древние верования, суеверия, по которым собака может видеть **нечистую силу**, незримую для человека. Считалось, что **чёрт** часто принимает вид **черной собаки**, в собаку превращается **колдун** и **ведьма**, а вой собаки предупреждает о смерти хозяина, о пожаре, о войне.

По верованиям собаку нельзя пускать в церковь, нельзя есть пищу, которую она понюхала. В средние века по учениям **церкви** собака считалась нечистым существом, союзником черных сил, а по **демонологии церкви** черная собака является воплощением **черта**.

По **тюркским** традициям «**собака**» тоже является нечистым животным, которое оскверняет мечеть: „*eceli gelen köpek cami duvarına (alusuna) siyer*” (ТурС. 259) 'собаке, которой суждено околоть, мочится у стены мечети'. Венгерская поговорка „*Ki kutya a templomból!*” (МЕ 483) 'вон, собака из церкви' отражает сходную мысль, которую мы наблюдаем в турецкой пословице.

Русская пословица „*Собаку грешно кликать человеческим именем*” (Даль /II, с . 358) отражает и венгерскую традицию. Традиция, упомянутая В. И. Далем, наблюдается и в Карпатах, так как **коней, коров, волов** допущено кликать человеческим именем, а **собак** нет. Это сходство, по нашему мнению, объясняется только **общим внешним влиянием** с тюркской взаимосвязанностью.

По старым венгерским традициям собак кликали **названиями рек**, что по верованиям это защищало собаку от бешенства. О кличках собак *Tusa*, *Шайо*, *Драва* свидетельствуют и венгерские литературные произведения. Пословица *Nemcsak egy kutyát hívna Sajónak* (МЕ 484) (букв.: **не только** одна собака называлась кличкой **Шайо**) свидетельствует о типичности клички, связанной с водоемом (Шайо – река в северо-восточной части Венгрии). О такой же традиции у башкирского народа сообщил нам башкирский этнограф З. Г. Аминев.

По традициям степных народов и венгров **собачье мясо** не угодно для человеческой пищи. Эта традиция сохранилась до наших дней и имеет место в пословицах.

Венгерским пословицам *Nem lesz kutyából szalonna, még ha megpörkölik is* (МЕ 484) **подлец** не будет честным человеком (букв.: даже и из поджаренной собаки не готовят сало'; *Kutyából nem lesz szalonna*” (МЕ 409) плохие нравы трудно изменяются (букв.: из собаки не будет сало /не готовят сало) - соответствует и чувашская пословица *Йыта мәнтяр та, сйме юрамасть*” (ЧРС, 302) (букв.: пусть **собака** будет жирной, а ее мясо не едят) и персидская

пословица „**Sag ke çâq şkurme-aş nemi konand**” (ППП 134) (букв.: если собака и станет жирной, **каурму** (жареное мясо) не приготовят из нее).

Общность метафорической картины наблюдается и в следующих фразеологизмах: **Kutya lakodalom** (ME 489) 'сборище (букв.: собачья свадьба)'; **Kutyalagzi** (ME, с. 486) 'сборище (букв.: собачья свадьба)'; тат.: **эм тые** (ТаРС с. 687) 'всякий сброд, сборище (букв.: собачья свадьба); **Kutyafajta** (ME, с. 487) 'собачье отродье'; тат.: **эмтән туган / эм токымы** (ТаРС. 687) 'собачье отродье'; **Eb a leleke** (ME 156) 'брань (букв.: у него собачья душа)'; тат.: **эм жаң** (ТаРС. 687) 'а) живучий, крепкий б) жестокий, бесчеловечный'; турецкий **it canli** (ТуРС 482) 'жестокий, бесчеловечный'.

Татарский оборот **эм авыз** (ТаРС 686) «клеветник, болтун (букв.: собачья пасть)» - выражает отрицательное поведение клеветника, о котором говорится в венгерских изречениях: **Ebszáj** (ME 138) 'клеветник, болтун (букв.: собачья пасть)'; **Ne higgy az ebszájnaak** 'не верь клеветникам / кляузникам (букв.: не верь собачьей пасти)'.

Подобный совет звучит в параллельных пословицах: **Aki ebbel fekszik, bolhásan kél fel** [22, с. 132] 'кто с собакой ляжет, с блохами встанет'; турецкая **Köpekte yatan pire ile kalkar** (ТуРС 722) 'ночующий рядом с собакой набирает блох'.

Отрицательное изображение собаки в венгерской и тюркской фразеологии, связано с общими культурными традициями. Следующие сходные пословицы говорят о статусе зоонима собаки в народных изречениях и соответствующие венгерские пословицы доказывают данную оценку:

ЕВ 'собака, пес': **Eb a lelke** (ME 156) 'у него собачья душа, злой человек'; **Nincs orcája, mint az ebnek** [23, с. 177] 'у него нет лица, как у собаки, (бесстыжий)'; **Eblábon jár** (ME 138) 'он ходит на собачьих ногах (он хитрый, коварный)'; **Ebszívű / Szívtelen** (ME 138) 'у него собачье сердце (бессердечный, жестокий)'.

Отрицательный характер собаки, которая по **верованиям** степных народов, является живым образом **беса и нечистых сил**, отражается во многих тюркских фразеологических единицах. Этот элемент менталитета наблюдается и в семантике слова, со значением «собака», заслуживая внимания тем, что в венгерском, русском и тюркских языках **ядовитые растения** названы словами «собака, пёс».

Венгерские ботанические названия ядовитых растений с эпитетом «собака, пес»: **ebszóló** (Solanum) 'паслен (букв.: собачий виноград)', **ebkarog** 'собачий укроп', **kutyabenge** (Rhamus) '(собачья) крушина', **kutyatejfü** (Euphorbia) 'молочай (букв.: трава с собачьим молоком).

Русские ботанические названия ядовитых растений: **собачья петрушка** (Aethusa suparium), **собачий корень**.

Тюркские ботанические названия ядовитых растений с эпитетом «собака, пес» (в азербайджанском языке есть много ботанических названий ядовитых растений с эпитетом «собака» (выражаю благодарность доценту Самире Мир-Багирзаде за присланный ценный материал):

itboğan / итбоган 'безвременник осенний (букв.: удушающий собаку)'; **itguyruğu** / итгуйругу 'Гребенник (букв.: хвост собачий)'; **itüzümü** / итюзюмю 'Дерёза (букв.: собачий виноград)'; **itburnu** / итбурну 'Шиповник (букв.: нос собачий)'; **itcəfərisi** / итчефериси (букв.: собачья петрушка). Заслуживает внимания общее ботаническое название **itüzümü** / итюзюмю 'Дерёза (букв.: собачий виноград)' - на азербайджанском и венгерском языке **ebszóló** (Solanum) 'паслен (букв.: собачий виноград)', выражающее ядовитый характер растения посредством общего эпитета.

В турецком языке ботанические названия ядовитых растений: **köpeküzümü** (Solanum nigrum) (ТуРС 566) 'паслен черный'; **köpek pençesi** (ТуРС 566) (Calystegia sepium); **itboğan** (Colchicum) 'безвременник'; татар.: **эм шомырты** (ТаРС 687)

'крушина'; *эт жыләге* (ТаРС 687) 'белладонна, паслен (*Solanum*); башкир.: *эт бауыры* (БРС 806)) 'крушина'.

В финно-угорских языках в регионе Поволжья тоже наблюдается сходный прием для обозначения **ядовитых растений**, что отражает общее тюркское влияние, упомянутое в работах Н. С. Трубецкого - эрзя-мордовский **кискань умарь** (ЭРС 268) 'собачье яблоко'; **кискань панго** (ЭРС 268) 'собачий гриб'; марийский **пийломбо** (МаРС 289) 'крушина', **пийвӧчыж** 'Solanum (букв: собачий виноград)'.
 В венгерской народной речи слово **собака** часто используется в ругательствах, что соответствует семантике упомянутой лексической единицы.

Ebfı, kutyafi (МЕ 138) 'сукин сын', *Ebanya terhe* (МЕ. 138) 'сукин сын (букв.: сукино бремя)'; *Ebszülte* (МЕ 138) 'сукин сын (букв: сука родила его)'; *Eb az anyja* (МЕ 138) 'сукин сын (букв: его мать была сука)'. В XVI-XVII-ом вв. данные обороты с образом **собаки** считались самой грубой бранью.

В тюркских языках тоже наблюдается сходная функция данного зоонима: Турецк. ругательства *köpek oğlu* [37, с. 566] 'бран. сукин сын, подлец' < *köpek* 'собака' + *oğlu* 'сын', варианты *köpoğlu; köpoğlu köpek!* 1)'с-с-сукин сын!; 2) пройдоха; хитрец; негодяй' - свидетельствуют о тюркском происхождении данного оборота.

Сходные структуры тюркских языков тат.: *эт баласы* [36, с. 687] 'сукин сын'; кирг. *иттин баласы* (КиРС 304) 'сукин сын', в которых используются компоненты *эт / ит* 'собака' и *бала* 'дитя' тоже отражают эту функцию.

Выражения, связанные со здоровьем человека

Этикетная формула венгерской народной речи *Erőt-egészséget!*, используемая мужчинами при прощании со значением «До свидания» и при чоканье во время застолья, отражает восточные традиции среднеазиатских народов. Этот же оборот стал воинским приветствием на венгерском: *Erőt-egészséget, bajtásak!* 'здравствуйте, товарищи! - приветствует командир парада солдат - они в ответ: *Erőt-egészséget, ezredes bajtárs!* 'Здравствуйте, товарищ полковник!'. Оборот „*Erőt-egészséget!*», состоит из компонентов *erő* 'сила, крепкость' и *egészség* 'здоровье', что отражает менталитет восточных народов, у которых здоровье и благополучие занимает важное место.

Структуры, связанные со **здоровьем, благополучием**, типичны для тюркских языков, что свидетельствует о стихии среднеазиатских народов. Казахское сложение *аман-есен* (КаРС 33) 'здоровый, благополучный' < *аман* (КаРС 33) «здоровый, благополучный, невредимый», а *есен* (КаРС 125) «благополучный» используется в казахском речевом этикете „*аман-есен бе?* 'Ты здоров? Здравствуй!'. Башкирское *исен-аман* (БРС 221) 'живой-здоровый, жив-здоров' < *исен* (БРС 221) «живой и здоровый, жив и здоров» и *аман* (БРС 32) обладает сходным значением.

Уйгурская структура *аман-есэн* (КАЙ 135) «невредимый, благополучный, здоровый» является эквивалентом казахской и киргизской *аман-эсэн* (КиРС 965), состоящие из тождественных компонентов.

Татарская структура *исен-сау* (ТаРС 178) < *исен* (ТаРС 178) 'здоровый, живой, жив-здоров, целый, невредимый' + *сау* (ТаРС.471) 'здоровый, невредимый, здравый, здорово' тоже относится к изученному семантическому полю. Слово *сау* используется в формуле татарского речевого этикета: *сау бул!* (ТаРС 471) «Будь здоров!, До свидания!, Прощай!». В сложении *сау-сэламэт* (ТаРС 471) 'жив-здоров, в полном здравии', используется слово *сэламэт* (ТаРС 498) 'здоровый, невредимый', означая те же сходные понятия. В казахском речевом этикете словосочетание *Сау бол!* (КаРС 457) «Будь здоров!», используется как форма прощания, подобно татарскому эквиваленту.

В башкирском обороте *һау булығыз!* (БРС 729) 'Будь(те) здоров(ы)!, До свидания!' обнаруживается слово *һау* '1) здоровый; 2) перен.: целый, невредимый', который является

родственным с татарским и казахским *сау*, обладая общим значением. В башкирском речевом этикете используется и форма *иҫен бул !* (БРС 221) 'Будь здоров! ; До свидания! ' с тем же значением.

Башкирское сложение *һау-сәләмәт* (БРС 729) является фонетическим и семантическим эквивалентом татарского сложения *сау-сәләмәт*, состоящего из тех же компонентов в форме со значением «1) жив-здоров; 2) живой-невредимый».

В турецком языке слово *esen* (ТурРС 278) 'здоровый, невредимый', который по своей этимологии родственен с башкирским *иҫен*, с уйгурским *есэн* и с киргизским *эсэн*, также используется в роли пожелания при расставании.оборот турецкого речевого этикета „*şen ve esen kaliniz!*” (ТурРС 278) 'будьте здоровы и счастливы!' по значению и использованной картине, в основном, соответствует рассмотренным фразеологическим единицам.

Данное сочинительное (семантическое) сложение используется и в киргизском языке в форме *соо-саламат* (КиРС 626) 'жив-здоров'. В следующих тюркских языках обнаруживается также общая этимология компонентов изученных нами парных слов: азерб.: *sağ-salamat*(ARL,296); каз.: *сау-саламет* (КаРС 457); уйг.: *сак-саламат* (КАЙ 152); узбекск.: *соғ-соломат* (КАЙ 152) 'здоровый, невредимый'.

Чувашская структура *сывлах-керлэх* (ЧРС 431), состоящая из компонентов *сывлах* (ЧРС 431) 'жив, живой' и *керлэх* (ЧРС 171) 'здоровый' примыкает к парным словам, выражающим данное важное понятие. Казахское сложение *аман-сау* (КаРС 297) 'здоровый и невредимый' тоже относится к изучаемому нами семантическому полю, состоящему из рассмотренных лексических единиц.

Русские сочинительные сложения *жив-здоров, подобру-поздорову, целый-невредимый*, используемые в русской народной речи свидетельствуют о влиянии тюркского языка. В работе А. Н. Баскакова (1979) указано на то, что возможным источником парных слов в русском языке явились тюркские структуры.

Здесь необходимо сказать о том, что параллельные структуры семантического поля «*здоровье, благополучие*» кроме общих семантических признаков отражают и общие структурные признаки. Элементы семантической цепочки относятся к общему виду словотворчества. Они все являются сочинительными сложениями синонимического вида. Компоненты всех представленных структур являются не просто синонимами, но и в то же время синонимами сложений. Данный вид словотворчества является типичным элементом венгерского языка и языков Евразии (что подтвердилось при нашем компаративном исследовании).

Тюркское влияние наблюдается в русском и в финно-угорских языках, имеющих контакты с тюркскими народами, что подтверждается параллельными сочинительными сложениям. В формуле русской народной речи приветствия *Здорово!*, и *Будь (те) здоров(ы)!*, а также прощание «До свидания!» отражаются контакты с тюркскими народами, о которых говорится в работах Н. С. Трубецкого. Кроме общего характера ментальности здесь мы сталкиваемся с вопросам и ареальной лингвистики.

Использование формулы тюркской модели, соответствует выводам Н. С. Трубецкого, который установил пределы тюркских влияний (в балто-финских языках не используются слова тюркского происхождения).

Этикетная формула мордовского (эрзянского) языка *ульть шумбра* (ЭРС 767) 'будь здоров!' используется как пожелание при прощании. В эрзянском языке слово *шумбра* (ЭРС 767) '1) крепкий, здоровый; 2) сильный, крепкий' образует сочинительное сложение со своим синонимом *таза* (ЭРС 767) 'крепкий'. Сложение *шумбра-таза*, означает «здоровый». О тюркских контактах свидетельствует слово *таза* со значением нового, крепкого, здорового - заимствованное из тюркских языков.

Ареальный характер данной речевой формулы подтверждается и марийскими конструкциями. Формулы речевого этикета марийского языка *эсен улыда!* (МаРС 454)

’здравствуйте!’; *эсен лийза!* (МаРС 454) ’будьте здоровы!’ отражают стихию изучаемого ареала используют слово *эсен* (МаРС 454) ’здоровый’, заимствованное из тюркских языков. Использованием лексемы *таза* (МаРС 321) ’здоровый’, заимствованной также из тюркских языков образуется структура *таза лийза!* (МаРС 321) ’будьте здоровы!’.

Общая метафорическая картина в венгерском *szél érte* ’его разбил паралич’ и киргизском *жел тийди* (КиРС 244) ’его разбил паралич’ отражает общее изображение тяжелой болезни, которую связали с явлением природы. Параллельные обороты построены из тождественных компонентов: *жел / szél* ’ветер’ и *тий / érint* (КиРС 244) ’трогать’. В европейских языках не используется метафорическая картина венгерского и киргизского оборотов: *porázka, mrtvica* ’апоплексия; румын. *apoplexie* ’то же’; польский *udar* ’то же’; русский *паралич*; немецкий *Schlag(anfall)* ’то же’.

Общая метафорическая картина в венгерском *megy a hasa* ’заболел поносом’ и татарском *эч куту* ’то же’ оборотах свидетельствует о сходном изображении болезни. Они построены из общих компонентов: *эч / has* (ТаРС 262) ’живот’ és а *куту* (ТаРС 262) / *megy* ’уходить’. Данное выражение не используется в европейских языках: английское *diarrhée, diarrhoea*, немецкое *Durchfall*, румынское *dairee*, русское *понос / ropos*, польское *biegunka, rozwolnienie*, хорватское *proliv*, словацкое *hnačka* связаны с другими языковыми элементами.

Венгерское выражение *leesett lábáról* (МЕ 492) ’заболел, ослабел (букв.: падал с ног)’, по метафорической картине, соответствует татарскому обороту *аяктан егу* (ТаРС 49) ’падал с ног’, образно изображаемое плохое состояния человека. О поправке, улучшении говорят венгерские обороты *lábra áll* (ONG 417/49) ’а) выздоровел, б) улучшилось материальное положение (букв.: встать на ноги)’; *lábra kap* (ONG 417/49) ’выздоровел, поправился’ и татарский ФЕ *аякта басу* (ТаРС 49) ’поправился, выздоровел’. Общим ключевым словом метафорической картины оборотов является *аяк / láb* ’нога’.

Венгерской ФЕ *leüötték a lábáról* (МЕ 492) ’лишился возможности, сбили с ног’ соответствуют татарские обороты *аяктан егу* (ТаРС 49) ’лишился какой-л. возможности (букв.: сбили с ног)’, *аяктан язугу* (ТаРС 49) ’сбился с ног’, использующие сходную метафорическую картину.

Симптом тяжелой болезни выражается на венгерском *rosseb* ’злокачественная опухоль, язва (букв.: плохая рана)’ и на киргизском *жаман жара* (КиРС 233) ’злокачественная опухоль (букв.: плохая рана)’. Это выражение используется в ругательстве *Egye meg a rosseb!* ’черт поberi! (букв.: пусть его съест язва).

Образ коня в народных изречениях

Конь занимает важное место в венгерской стихии. У европейских народов формировался стереотип о венграх: *Венгры – это народ, который не интересуется ничем, кроме коней*. Это объясняется историческими фактами. Вся Европа боялась венгерских всадников во время набегов на западные страны в 9-м веке. Венгерская конница прославилась в боях, когда они боролись и во Франции в 18-м веке, и в Америке в 19-м веке.

Венгерские народные изречения отражают положительное отношение хозяина к любимому животному: *Zab hajtja a lovat, nem ostor*” (ONG 731) ’погоняют коня не кнутом, а овсом’; *Ha lovad jóltartod, magadnak használsz* (ONG 442) ’если хорошо кормишь коня, это будет выгодно для тебя’; *Lovat is ad Isten a jobbiknak* (ONG 443) ’Бог доброму человеку и коня дает’; *Holnapra is kell a ló* (ONG 443) «конь нужен и завтра (надо его беречь)».

В стихии алтайских кочевников конь также занимает центральное место, так как образ жизни кочевника требует хорошего коня. Метафора *крыло*, использованное в пословицах тюркских народов, выражает способность доброго коня, уважение и отношение хозяина к своему верному товарищу:

кирг.: „*ат – эрдын канаты*” (КиргРС) ’конь – крылья молодца’; тат.: „*аты барын канаты бар*” (ТаРС 57) ’у кого есть лошадь, у того есть крылья’; туркм.: „*аты барын ганаты бар*” (ТуркмРС 55) ’у кого конь, у того и крылья’; чуваш.: „*ар сукаче – ут*” (ЧРС 424) ’крылья мужчины – его конь’; узб.: „*аты барын, ганаты бар*” (УзРС 55); ’у кого конь, у того и крылья’.

Поговорки тюркских народов отражают то, что степные народы высоко оценивают и **берегут коней**, заботливо ухаживая за ними:

турецкий: „*ati eşkin, kilici keskin*” (ТурРС 73) ’конь у него быстрый, меч у него острый’; „*at binenin, kiliç kuşananındır*” (ТурРС 73) ’лошадь принадлежит тому, кто на ней сидит, а меч тому, на ком он висит’; „*ata arpa, yiğide pilav*” (ТурРС 73) ’коню ячмень, молодцу – плов; „*atina bakan ardına bakmaz*” (ТурРС 73) ’тот, кто хорошо ухаживает за своей лошастью, назад не глядит (т.е. погони не боится)’;

киргиз: „*аты жоктун буту жок*” (КирРС 77) ’у кого нет коня, у того нет ног’; „*жылкы – берен, жылкыны баккан – эрен*” (КирРС 129) ’кони – (это) опора, молодец (тот), кто их разводит’; *жаным аман турганда атыма камчы салдырбайм*” (КирРС 336) ’пока я жив-здоров, не позволю хлестать своего коня плетью (т. е. не позволю кому-л. распоряжаться моим имуществом и мной)’;

башкир: *атлы кеше – батыр, атһыз кеше ятыр*” (БРС 54) ’человек, имеющий лошадь – богатырь, без лошади – ничто’; „*алп ананан тыуыр, аргымак бейәнән тыуыр*” (БРС 28) ’«богатыря родит мать, скакуна – кобылица»;

татар: „*ат менмэнген ат менсэ, чаба-чаба үтерер*” (ТаРС 627) ’тот, кто на коне не ездил, загонит его насмерть’; „*атны чыбыркы бэлэн кума, солы белэн ку*” (ТаРС. 643.) ’погоняют коня не кнутом, а овсом’;

чуваш: „*тихана пёчкеле лайгх ситер*” (ЧРС 294) ’не жалея корма жеребенку’; „*сиекен лаша султан юлман, тет*” (ЧРС 414) ’коли хорошо конь поест, то в пути не отстанет’; „*юланпа суран пёр тан мар*” (ЧРС 426) ’пеший конному не товарищ’; „*сурен лаша сул сүти, савнг арм чун сүти*” (ЧРС 428) ’рыжий конь – отрада в пути, любимая жена – отрада души’.

Отражение жизненного опыта в обычаях в оборотах

Общие мотивы о представлении мира отражаются в народных изречениях, пословицах венгерского и тюркских народов.

Сходный жизненный опыт венгерского и тюркских народов изображен в параллельных народных изречениях. Эквиваленты венгерской пословице *más kezével csak a tüzet jó kaparni* (ONG 361): татарск.: *кеше кулы белэн ут корәү* (ТаРС 594) ’чужими руками жар загребать’; туркмен.: *кесекинин, эли билен от горсамак* (ТуркРС 493) ’то же’; *башганын, эли билен от горсамак (көсемек)* / (ТуркРС 493) ’то же’.

Параллельные пословицы свидетельствуют об общих элементах накопленного опыта народа венг.: „*Kinek a meleg tej megégette a száját, a tarhót (aludtjet) is fűjja*” (ONG 666) ’кто обжег рот на топленом молоке, будет дуть и на **кислое молоко**’; тат.: *Авызы пешкэн ерен капкан*” (ТаРС 20) ’кто обжег рот, тот берёт что-л., предворительно подув’; туркм.: „*Сүйтде агзы бишен сувы уфлен*” (ТуркРС 106) ’обжегшись на молоке будешь дуть и на **воду**’; турец.: *Ağizi yanan ayranı üfler de içer*” (ТурРС 800) ’обжегший рот молоком, ест **простоквашу** подув на него’; „*çorbadağzi yanan ayranı üfler (de) içer*” (ТурРС 800) ’обжегшийся на супе дует на айран’; чув.: „*тутине песерсен, тургха версе сынк*” (ЧРС 389) ’обжегший губы и на **простоквашу** дует’; узб.: „*огзи куйган катик, ни пуфлаб ичади*” (УзРС 222); ’кто обжег рот, будет дуть и на **кислое молоко**’.

Символом временной, непостоянной безопасности и благосостояния является «лёд» в сходных народных изречениях. Содержанию венгерских пословиц *Jégre metszett kép nem sokáig ép* (ONG 316/71) «картина, написанная на льду не долго лежит»; *Jégre metszi a képet* (ME 375) ’занимается сомнительным делом (букв.: он пишет картину на льду)’, *Jégre irták a*

kötelezvényt 'дело сомнительно (букв.: заемное письмо написано на льду)' соответствует содержанию татарской пословицы *Боз өстендә яз у тормас* (ТаРС 701) 'написанное на льду не вечное'. «Лёд» является и символом обмана, плутовства: *Jégre csalták; Jégre vitték* (ME 375) 'подвели, обманули (букв.: его манили /вели/ на лёд)'; татар.: *бозга утыру* (ТаРС 76) 'обманули (заставили сесть на лед).'

Венгерский оборот *majd ha piros hó esik* «никогда (букв.: когда будет идти красный снег)» шуточно передает понятие «никогда». Эквиваленты оборота татарс. *кызыл кар яугач* (ТаРС 227) 'никогда (бук.: когда будет идти красный снег)'; башкирс. *кызыл кар яугас / kuzyl kar jaugas* (БРС 349) 'то же'.

Параллельные обороты венгерского *Görbe szemmel néz* (ME 282) 'относиться недружелюбно; косо смотреть на кого-то, не одобрять' и башкирского *кырын күз менән карау* (БРС 310) 'относиться недружелюбно, не одобрять' языков, выражают сходное изображение лица злого человека. В параллельных народных изречениях использованы тождественные слова *кырын* (БРСz 398) / *görbe* 'криво, косо', *күз* / *szem* 'глаз', *карау* (Bas 398)/ *néz* 'смотреть'.

Важный мотив венгерского народного этикета отражается в пословице „*Magyar ember hallgat, mikor eszik (nép)*” (ONG 459/203) 'венгерский человек не говорит во время еды (нар.)'. Этот обычай строго соблюдали в венгерских семьях.

При изучении обычаев тюркских народов мы узнали сходные традиции у башкирского народа (этнограф З. Г. Аминев говорил нам об идентичной традиции у башкир, детей предупреждали о том, что у говорящего во время еды, супруг(а) будет болтлив(ая). В азербайджанских традициях тоже известен этот обычай, о чем осведомила нас доцент Самира Мир-Багирзаде: во время еды нельзя разговаривать. Азербайджанская пословица” *Yeyənlər susallar, yeməyənlər danışar*”,- «Кто ест-тот молчит, а кто не ест - тот говорит» выразительно передает эту традицию.

Этот обычай известен у узбекского народа, о чем говорит пословица *аввал гаош, бадъез калош* (УзРС 198) 'сначала ешь, потом говори', отражающая это правило. Турецкая пословица *Evvel -taam, sonra- kelâm* (ТуРС 284) 'сначала ешь, потом говори' тоже отражает обычай тюркских народов. Слова *аввал, evvel* 'сначала' и *бадъез, sonra* 'потом' - подчеркивают порядок действий.

Заключение

Параллельные элементы венгерского и тюркских традиций выявляются в разных областях культуры. Мы обнаружили общие элементы и соприкасающиеся мотивы народных обычаев венгерского и алтайских народов. Мотивы народной стихии наблюдаются в отношении к коню и к собаке. Характер изображения собаки связан с общими венгерскими и тюркскими верованиями, которые наблюдаются в других фразеологических единицах. В народных изречениях отражается сходный опыт венгерского и тюркских народов, который непосредственно связан с общими элементами образа жизни.

Литература

- Баскаков Н. А. 1979. *Русские фамилии тюркского происхождения*. «Наука» Москва
 Воробьев В.В.: 1997. *Лингвокультурология (теория и методы)*. Москва, Издательство Российского университета дружбы народов
 Будагов Р. А. *Сходства и несходства между родственными языками*. Москва, 1985.
Magyar néprajz. Népköltészet «Akadémiai Kiadó» Budapest, 1988. (венгерская этнография, венгерское народное творчество)
 Мир-Багирзаде С. 2021. *Введение в мультикультурализм*. Баку
 Мокиенко В. М. 1999. *В глубь поговорки*. Санкт-Петербург, ИД «МиМ» «Паритет»
 Пермяков Г. Л.: 2001. *Пословицы и поговорки народов Востока*. Москва
 Телия В. Н 1996. *Русская фразеология*. Москва, Изд. «Языки русской культуры»

**COMMON ELEMENTS OF THE MENTALITY OF THE HUNGARIAN AND TURKIC
PEOPLES IN CUSTOMS, BELIEFS, FOLK SAYINGS**

Imre Pachai

Abstract. When studying the languages of Eastern Eurasia, parallel structures were found in the studied languages, reflecting common elements of the national mentality. We found similar folk sayings in the Hungarian and Turkic languages, testifying to intensive cultural and linguistic contacts. Traces of these contacts are revealed in customs, beliefs, in etiquette formulas. Similar metaphorical pictures of parallel folk sayings prove oral language contacts, since most of the similar folk sayings differ sharply from European phraseological units, from biblical and ancient cultural traditions.

Keywords: Language and cultural contacts, folk sayings, biblical and ancient phraseological units, national mentality, etiquette formulas, customs, beliefs.

Göndərilib: 11.01.2022

Qəbul edilib: 10.03.22